Её разум забыл его имя. Её тело помнит каждый его грех...

Вуаль из стекла

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Фрида Халид

Фрида Халид
Вуаль из стекла

https://litres.ru/74727943
SelfPub; 2026

Аннотация

«Не раскапывай то, что похоронено под обломками. Ты найдешь там то, что тебя уничтожит».

Семь лет назад страшная ночь стерла мое прошлое, оставив лишь осколки воспоминаний и чужие ответы. Сегодня я живу под защитной пеленой чужой лжи, пока в моей жизни не появляется он — Кристиан Вейн. Властный, опасный и притягательный незнакомец, чей холодный взгляд пробирает до дрожи.

Он слишком много знает о моих шрамах и слишком отчаянно пытается удержать меня на краю пропасти, играя по собственным правилам. Между нами растет опасное притяжение, но каждый его шаг скрывает тень какого-то страшного, тщательно охраняемого секрета. Он боится моего пробуждения больше, чем я сама.

И когда вуаль падет, я пойму: человек, которому я отдала сердце, уже отнял у меня весь мир. Что победит — ложь, спасавшая жизнь, или правда?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	64
Глава 12	71
Глава 13	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Фрида Халид
Вуаль из стекла

Пролог

Кристиан

Семь лет назад. Новый Орлеан.

Дождь в Луизиане не шел — он топил. За окнами ревел настоящий шторм, стегающий ветви вековых дубов по стеклу, а в кабинете стояла оглушающая, ядовитая тишина.

Вивьен стояла у моего рабочего стола. На ней была моя белая рубашка, спадавшая с одного хрупкого плеча, а в дрожащих, бледных пальцах она сжимала плотную картонную папку. Мою папку.

Там было всё. Схемы разорения архитектурного бюро ее отца, слитые архивы, распечатки счетов и детальные отчеты слежки. Каждая ее прогулка, каждая встреча, каждое движение — задокументированное и оцененное. И под всем этим — моя личная подпись.

— Кристиан... — ее голос надломился, превратившись в едва слышный шепот. В золотисто-коньячных глазах, где еще час назад горела нежность, разрастался дикий, нечеловеческий ужас. — Что это? Скажи мне, что это... какая-то ошибка.

Я стоял в дверях, врастая подошвами в паркет. Воздух в легких мгновенно превратился в застывший бетон.

— Виви, положи папку, — я сделал медленный шаг вперед, подняв ладони в защитном жесте. Мой голос звучал чу-

жим, хриплым. — Пожалуйста. Дай мне объяснить.

— Не подходи! — закричала она, и этот звук насквозь пробил тишину дома. На ее щеках горели лихорадочные пятна, а грудь вздымалась от удушающего, рваного дыхания. — Ты... ты искал меня нарочно? Всё это... каждый твой шаг, каждый день, каждый поцелуй... это был расчет?

— Сначала — да! — рявкнул я, отчаяние сжало мне горло. — Вначале да, Вивьен! Но не потом! Ты — всё, что у меня есть. Всё изменилось, я...

— Не смей! — она сжала голову руками, выронив папку. Листы с компроматом рассыпались по полу, словно гигантские белые хлопья. — Боже, мой ребенок... Я жду от тебя ребенка, а ты... ты просто монстр! Ты уничтожил мою жизнь!

Она рванулась к выходу, но я перехватил её за запястье.

— Выслушай меня! — рявкнул я, пытаясь удержать её. — Виви, послушай!

— Отпусти! Не касайся меня! — она бредила, вырываясь с дикой, неописуемой силой.

И вдруг она замерла.

Ее лицо мгновенно потеряло всякий цвет, став мертвенно-белым. Вивьен судорожно глотнула воздух, её глаза расширились от резкой, пронизывающей боли, и она медленно начала сползать по моим рукам на пол.

— Кристиан... — прошептала она, и в ее голосе больше не было гнева. Только беспомощный детский страх. — Мне... больно.

Я опустил взгляд вниз. На белоснежную ткань моей рубашки, облегавшую ее округлившийся живот, медленно просачивалось темное, алое пятно.

Мой мир рухнул в ту же секунду.

Дальше была только тьма, рев мотора моей машины, пробивающейся сквозь затопленные улицы Нового Орлеана, и хриплые мольбы. Я умолял Бога, забрать мою жизнь взамен их.

Спустя три часа в стерильном, пропитанном запахом дезинфекции коридоре клиники, врач вытер вспотевший лоб и посмотрел на меня с тяжёлым сочувствием: — Мы сделали всё возможное, мистер Грей. Но ребёнка спасти не удалось. Слишком большая кровопотеря и отслойка. Мать жива, но из-за гипоксии она впала в кому. Мы не знаем, очнётся ли она... и кем она очнётся, если это произойдёт.

В тот вечер я умер вместе с моим ребенком.

Она очнулась через месяц.

Когда я стоял за матовым стеклом её палаты, Анри Лоран — человек, чью империю я так яростно пытался уничтожить, — сокрушенно смотрел на дочь. На нем не было лица. Он понятия не имел, кто я такой на самом деле. Для него я был лишь Кристианом Греем — парнем, с которым его дочь жила в Новом Орлеане и с которым поссорилась в ночь шторма. Он не знал про компромат. Не знал про мою месть. Он знал лишь то, что после нашей ссоры Виви едва не погибла.

Врачи были непреклонны: мозг Вивьен заблокировал последние два года жизни, защищая её от невыносимой боли. Она забыла Новый Орлеан, забыла беременность и полностью стёрла из памяти меня. Врачи предупредили: если она вспомнит этот кошмар, её психика просто разрушится.

Анри, не подозревая, что подписывает мне приговор, подошел ко мне и тихо сказал: — Я увезу её. Врачи говорят, ей нужна полная тишина. Я скажу ей, что она попала в автокатастрофу... Ни слова о потере дитя. Ей нельзя это знать.

Ему не нужно было умолять меня уйти. Я сам принял это решение. Понимая, что я — ходячая смерть для её разума, источник всей её боли, я должен был стать для неё призраком.

Я прижал ладонь к холодному стеклу. За ним Вивьен дышала — живая, но бесконечно далекая. Мой разум знал, что я поступаю правильно, спасая её, но сердце вынесло мне единственный верный приговор.

— Я уйду, — прошептал я, впечатываясь лбом в холодное стекло. — Но если однажды судьба приведет её ко мне снова... я не отдам её никому.

Семилетняя тишина началась…

Глава 1

Вивьен
Наши дни. Нью-Йорк.

Память — странный механизм. Она бережёт нас от того, что способно нас сломать.

Семь лет назад врачи сказали моему отцу, что моё выжившее после тяжелейшей автокатастрофы тело — это чудо. Но цена этого чуда была высокой: полная амнезия. Мой разум просто стёр целый пласт жизни, оставив лишь ровный, чистый лист.

Все эти годы я жила с уверенностью, что знаю о себе всё. У меня была понятная, идеальная жизнь: престижная работа архитектором в Манхэттене, уважение коллег, заботливый и влиятельный отец Анри Лоран, готовый закрыть меня от любых бурь, и четкие планы на будущее. Я привыкла верить тому, что вижу и помню.

Но иногда прошлые призраки возвращаются.

Они не приходят с грохотом. Они приходят с тихим звуком чужих шагов, со случайным запахом дорогого парфюма — цитрусом и сандалом. — и со странной, удушающей болью внизу живота, причины которой не может объяснить ни один врач.

Нью-Йорк встретил меня прохладным сентябрьским

ветром и запахом сырой земли.

Особняк на Верхнем Ист-Сайде возвышался среди строгих современных зданий как мрачный, забытый временем призрак. Готическая архитектура XIX века, потемневший от времени песчаник, заколоченные лесами высокие окна... Для любого другого человека это место выглядело бы угрюмым и отталкивающим. Для меня же оно было живым организмом, ждущим, когда его спасут.

Я поправила ремень кожаной сумки с чертежами и поднялась по мокрым от недавнего дождя каменным ступеням.

Кристиан Вейн владелец « Wayne Enterprises » выкупил обратно старинный особняк своей семьи месяц назад. Мне, как главному архитектору-реставратору бюро, поручили полностью оценить состояние несущих конструкций и лепнины до того, как сюда зайдет строительная бригада. Мой отец сначала был против этого объекта, называя проект «слишком масштабным и сомнительным», но я настояла. Я любила дарить вторую жизнь тому, что казалось окончательно разрушенным.

Возможно, потому что когда-то мне самой пришлось собирать себя по кусочкам.

После той катастрофы семь лет назад восстановление давалось мне с трудом. Я помнила бесконечные месяцы в больничных палатах, стерильный запах лекарств, глухую фантомную боль, въевшуюся в суставы, и ощущение катастрофической, необъяснимой пустоты внутри. Врачи и

отец постоянно твердили, что это естественные последствия тяжёлой аварии и длительной комы, что мозг просто стерев невостребованный пласт памяти, так защищает меня от стресса. Я долго училась заново доверять собственному телу, маскировать постоянное чувство тревоги за работой и убеждать себя, что моя жизнь — цельная и полная. Но иногда, как сейчас, на грани яви и тишины, прошлое касалось меня невидимой ледяной рукой.

Тяжелая входная дверь с хрустом поддалась, и я шагнула внутрь.

В холле царил полумрак. Воздух был пропитан пылью, старым деревом и въевшейся в стены сыростью. Единственным источником света оставались высокие витражные окна, сквозь которые тускло пробивались уличные фонари и пасмурное небо.

— Есть кто-нибудь? — тихо спросила я. Мой голос ответил гулким, одиноким эхом, растворившимся под высокими сводами.

Ответа не последовало. Прораб должен был подойти через полчаса, так что у меня было время осмотреться в одиночестве.

Я достала фонарик и медленно пошла по центральной залу, шагая по искусному, но почти разрушенному паркету. Внимание привлекло массивное мраморное панно над недействующим камином. Я подошла ближе, подняла руку, чтобы смахнуть слой пыли с лепнины, и на секунду замерла.

Пальцы касались холодной поверхности, но внутри — где-то в глубине грудной клетки — вдруг возникло странное, лихорадочное тепло.

Паника. Беспричинная, липкая, острая паника волной накатила на сердце.

Я судорожно вздохнула, крепче сжимая фонарик. Мой пульс внезапно взлетел, застучав в висках быстрым, тяжелым молотом. Пальцы левой руки рефлекторно метнулись к запястью, сжимая тонкий серебряный браслет — моя давняя, бессознательная привычка, когда накрывала тревога.

«Это просто старый дом, Вивьен, — мысленно сказала я себе, делая глубокий вдох. — Просто заброшенное здание. Ничего больше».

Врачи предупреждали, что после той аварии семь лет назад мой мозг иногда может выдавать ложные сигналы тревоги в закрытых или темных пространствах. Невроз. Обычный посттравматический синдром.

Я сделала шаг назад от камина, пытаясь вернуть контроль над дыханием, как вдруг за моей спиной раздался сухой хруст паркета.

Кто-то стоял в тени зальной арки.

— Вы рано, мисс Лоран.

Голос прорезал тишину, словно росчерк лезвия по бархату. Низкий, бархатистый, с едва уловимой хрипотой.

Я резко обернулась, направив луч фонаря в сторону звука.

Мужчина сделал шаг из темноты. На нём был тёмно-се-

рый костюм безупречного кроя, подчеркивавший широкие плечи и подтянутую фигуру. Никакой каски, никакого рабочего комбинезона. Он не был прорабом.

Луч света скользнул по его идеальному, будто высеченному из мрамора подбородку, строгим губам и остановился на глазах.

Глаза цвета застывшей стали. Грозовые, невероятно холодные и... тёмные.

Он смотрел на меня. Не так, как смотрят заказчики на наёмных архитекторов. Его взгляд прожигал насквозь, проникал под кожу, словно он знал обо мне нечто такое, о чём я сама не догадывалась.

Мое сердце пропустило удар, а затем забилось с такой силой, что стало больно дышать. Воздух в заброшенном зале мгновенно стал слишком плотным.

— Вы... — я запнулась, голос предательски прозвучал слишком тихо. — Вы из « Wayne Enterprises »?

Мужчина медленно сократил расстояние между нами. Каждый его шаг был неторопливым, хищным и абсолютным. Он остановился в двух шагах от меня, и я ощутила тонкий, дорогой аромат его парфюма — сандал, сухая древесина и нечто опасное, напоминавшее озон перед грозой.

— Кристиан Вейн, — произнес он, не сводя с меня своего тяжелого взгляда.

Он не протянул руки. Он просто смотрел, и в глубине его стальных глаз на долю секунды мелькнула такая глухая,

разрушительная боль, что у меня перехватило дыхание.

Кристиан Вейн.

Имя не вызывало никаких воспоминаний. Мой разум был чист. Но тело... мое тело реагировало на него безумием. Кожу обдало морозом, кончики пальцев задрожали, а внизу живота отозвалась тупая, фантомная тянущая боль, которую я не могла объяснить.

Я видела его впервые в жизни.

И всё же... почему мне казалось, что я знаю этот взгляд целую вечность?

Глава 2

Кристиан

Семь лет я заставлял себя жить в аду, который построил своими руками.

Семь лет я смотрел на её фотографии, добытые через частных детективов, и запрещал себе делать шаг навстречу. Я видел, как она постепенно возвращалась к жизни: оканчивала Академию искусств, делала первые успехи в архитектурном бюро, улыбалась на снимках друзьям... И каждый её вздох в этой новой, искусственной реальности, где меня не существовало, был для меня одновременно спасением и пыткой.

После принятого мною решения уйти из жизни Вивьен, семь лет назад в больнице Нового Орлеана, я перебрался в Нью-Йорк и возвел вокруг себя империю из бетона и стекла, и первым делом избавился от этого особняка. Продал его за бесценок, лишь бы вычеркнуть из памяти. Этот дом на Верхнем Ист-Сайде был не просто родовым гнездом Вейнов. Когда-то мы приезжали сюда с Вивьен на короткие, укрытые от всего мира выходные. Здесь, в тишине этих залов, она смеялась, чертила на полу эскизы и засыпала на моих руках у камина. После всего что случилось, каждый кирпич этого здания казался мне пропитанным ядом и воспоминаниями, которые выжигали душу изнутри.

Но месяц назад я выкупил его обратно. Потребовались миллионы и связи, чтобы вернуть родовые стены. Я вернул его только с одной целью: этот особняк должен был стать нашей новой точкой отсчёта.

И сегодня тишина закончилась. Я сам оборвал её.

Я стоял в тени зальной арки заброшенного особняка на Верхнем Ист-Сайде задолго до её прихода. Слушал, как её каблуки с легким стуком касаются старого паркета. Слушал её рваное дыхание, когда она шагнула в полумрак.

А затем она подняла руку к каминному панно и замерла.

В этот момент моё сердце, казалось, прекратило биться вовсе. Я видел, как дрогнули её плечи. Как пальцы левой руки рефлекторно метнулись к запястью, сжимая тонкий серебряный браслет — так же, как она делала всегда, когда её накрывала тревога. Её тело помнило. Мозг заблокировал воспоминания, но рефлексы и фантомная боль остались запечатаны под её кожей.

— Вы рано, мисс Лоран.

Голос дался мне с трудом. Он прозвучал слишком низко, слишком хрипло.

Она резко обернулась. Яркий луч фонаря ударил мне в лицо, но я даже не зажмурился. Я просто смотрел на неё.

Вивьен.

Моя Виви.

Она изменилась. Стала взрослее, изящнее, строже. Чёрный элегантный тренч, собранные в аккуратную прическу

волосы, уверенная осанка успешного реставратора... Но эти глаза. Те самые золотисто-коньячные глаза, которые семь лет назад смотрели на меня с нечеловеческим ужасом, а сейчас...

Сейчас в них отражалось лишь чистое, вежливое незнание. Она смотрела на меня, как на чужака. На очередного богатого клиента с Верхнего Ист-Сайда.

И это незнание резало меня без ножа.

— Вы... — её голос едва ощутимо дрогнул, когда я сделал шаг из тени. — Вы из « Wayne Enterprises »?

Я медленно подошел ближе, останавливаясь в двух шагах от неё. Слишком близко для деловой встречи. Достаточно близко, чтобы почувствовать легкий шлейф её духов — лаванда и сухая ваниль. Этот запах накрыл меня волной отчаяния.

— Кристиан Вейн, — произнес я.

Я не протянул ей руку. Если бы я коснулся её кожи прямо сейчас, я бы не смог её отпустить. Я бы сорвался, сжал её в объятиях и прижал к себе так крепко, чтобы стереть эти семь лет проклятой разлуки.

Но я стоял неподвижно. Смотрел, как расширяются её зрачки. Как на её бледных щеках появляется легкий румянец, а дыхание становится рваным и частым.

Её разум не знал меня. Но её пульс... её пульс зашкаливал.

Я видел, как она борется с внезапным приступом паники, как бессознательно переводит взгляд на мой костюм, пы-

таюсь зацепиться за реальность. Она не понимала, почему один мой вид заставляет её сжиматься от неведомой тоски и опасного, электрического притяжения.

«Сделай вдох, Вивь, — мысленно просил я, впиваясь ногтями в ладони в карманах брюк. — Просто дыши. Я не причиню тебе вреда. Больше никогда».

Анри Лоран думал, что спрятал её от меня навсегда. Он выстроил вокруг неё идеальную, стерильную стену из лжи. Но он забыл одну деталь: этот особняк, этот контракт, этот город — всё было спланировано мною до мельчайших деталей.

Я вернулся в её жизнь не для того, чтобы раскрыть ей правду и разрушить её разум.

Я вернулся, чтобы заново забрать то, что принадлежит мне по праву.

— Сбор строительной бригады назначен на понедельник, мисс Лоран, — тишину заброшенного зала снова прорезал мой спокойный, чересчур холодный голос. — Но я хотел лично убедиться, что главный архитектор понимает, с чем именно ей придётся иметь дело.

Вивьен сделала едва заметный шаг назад, словно пыталась увеличить дистанцию между нами, и сглотнула:

— Я... я прекрасно знаю свою работу, мистер Вейн. Этот особняк в плачевном состоянии, но его можно спасти.

— Спасти? — я чуть наклонил голову, не сводя с неё стального взгляда. — Вы уверены, что хотите восстанав-

ливать то, что было погребено слишком давно? Иногда разрушение — это единственный способ начать сначала.

Она нахмурилась, и в её золотистых глазах мелькнула острая, едва уловимая вспышка упрямства. Того самого упрямства, в которое я влюбился семь лет назад.

— Я не боюсь трудностей, — твердо ответила она, хотя её пальцы все еще судорожно сжимали ремень сумки.

— Что ж... — я сделал полшага назад, давая ей глоток воздуха, и жестоко усмехнулся про себя. — В таком случае, добро пожаловать в проект, Вивьен.

Её имя слетело с моих губ слишком интимно, слишком правильно. Она вздрогнула, услышав, как я назвал её по имени, а не «мисс Лоран», но не успела ничего ответить.

За нашими спинами раздались тяжёлые шаги — на объект наконец прибыл прораб.

Игра началась. И на этот раз я не проиграю.

Глава 3

Вивьен

Ночь после визита в особняк прошла в рваном полузабытьи.

Стоило мне закрыть глаза, как перед мысленным взором возникали стальные глаза Кристиана Вейна. Его голос, звучавший словно бархатный лёд, резонировал где-то под рёбрами. А внизу живота всё ещё тлела та самая странная, фантомная боль, будто моё тело упорно отказывалось верить, что мы видимся впервые.

— Ты выглядишь так, будто всю ночь вручную таскала кирпичи на своём объекте, — моя лучшая подруга и по совместительству главный арт-консультант в городе Джульет Валуа поставила на мой рабочий стол два больших стакана с латте и вальяжно опустилась в кресло напротив. Я оторвала взгляд от чертежей и потёрла переносицу.

— Спасибо за комплимент, Джулс. Я тоже рада тебя видеть.

— Я серьёзно, Виви, — Джульет прищурилась, внимательно разглядывая меня сквозь элегантную оправу очков. — Ты дёргаешь этот свой серебряный браслет каждые пять секунд. Что произошло на Верхнем Ист-Сайде? Прораб оказался идиотом?

— Прораб в норме, — я сделала глоток обжигающего

кофе. — Вчера на объект приехал сам заказчик. Кристиан Вейн.

Джулс выразительно изогнула бровь:

— Владелец « Wayne Enterprises » лично явился в пыльный заброшенный дом? Говорят, он редкий сухарь и жесткий игрок, который управляет своей империей как военный трибунал. Ну и как он?

— Холодный. Властный. Смотрит так, будто видит тебя насквозь, — я попыталась произнести это с лёгкой иронией, но голос подло просел. — И от него... жутко фонит опасностью.

— Мой любимый тип мужчин, — усмехнулась Джульет, но тут же смягчилась, поймав мой напряжённый взгляд. — Эй, Лоран, ты лучший реставратор в этом городе. Если этот Вейн попытается указывать тебе, как восстанавливать лепнину XIX века, просто пошли его к черту.

— Я умею за себя заступиться, — хмыкнула я, вскинув подбородок.

— Знаю. Именно поэтому тобой не так-то просто манипулировать, даже твоему отцу, — Джульет оперлась ладонями о край моего стола и сочувственно улыбнулась. — Кстати о птичках... Когда я поднималась, у входа в бюро припарковался лимузин Анри. Так что удачи, дорогая. Тебе она сейчас пригодится.

Джулс успела лишь мигнуть мне и скользнуть к выходу, как дверь кабинета без стука распахнулась.

На пороге стоял Анри Лоран. В безупречном тёмно-синем костюме-тройке, с седеющими висками и тяжелым, лихорадочным взглядом.

— Вивьен, — вместо приветствия произнёс он, останавливаясь посреди кабинета и брезгливо оглядывая папки с проектами. — Нам нужно поговорить.

— Здравствуй, папа, — я откинулась на спинку кресла, складывая руки на груди. — Чем обязана такой спешке? У меня через двадцать минут совещание.

— Ты расторгнешь контракт с « Wayne Enterprises ». Сегодня же.

В кабинете повисла звенящая тишина. Я медленно подняла бровь.

— Прошу прощения?

— Ты меня услышала, — Анри подошёл ближе, опираясь ладонями о мой стол. Его пальцы заметно дрожали, а в обычно спокойных глазах плескался неконтролируемый, дикий страх. — Я не хочу, чтобы ты работала с Вейном. Он опасен. Это не просто авантюра, Вивьен, это разрушение! Я запрещаю тебе переступать порог этого особняка.

— Моё архитектурное бюро — независимая компания, папа, — чеканя каждое слово, произнесла я. — И это мой контракт. Конструктив особняка идеален, проект утверждён. С чего вдруг такая паника из-за обычного девелопера?

— Ты ничего не понимаешь! — в голосе отца прорвалась фальцетная, лихорадочная нота. На его скулах ходили жел-

ваки. — Вейн — мусор, он уничтожит всё, к чему прикоснется! Ты не знала его семьи, ты не знаешь, откуда он вылез! Зачем ты вообще согласилась на эту встречу?!

Я резко поднялась с кресла, смерив отца горячим, вызывающим взглядом. Мои коньячные глаза вспыхнули упрямым огнём.

— Я встретилась с заказчиком на объекте, папа! Потому что это моя профессия! Почему ты дрожишь при одном упоминании его фамилии? Что такого сделал тебе Кристиан Вейн?

Анри на миг замер, словно его ударили под дых. На его лице отразился смертельный, животный ужас — ужас человека, перед которым только что качнулась дверь в его самый грязный, погребённый скелет в шкафу.

— Он... он не тот, за кого себя выдаёт, — процедил отец, судорожно расправляя манжеты. — Ты расторгнешь этот договор. Если потребуется, я выкуплю твой неустойку. Но ты к нему не приблизишься.

— Нет, — отрезала я, вскинув подбородок. — Я не хрустальная ваза, которую ты семь лет держишь под замком под предлогом заботы после аварии. Я выстроила эту карьеру сама. И если ты попытаешься надавить на совет директоров или вмешаться через своих юристов — я публично аннулирую наше семейное соглашение и выйду из холдинга.

Отец взирал на меня с бледностью утопленника. Он искал во мне прежнюю послушную дочь, но наткнулся на мо-

нолит.

— Ты пожалеешь об этом упрямстве, Вивьен, — тихо, с глухой угрозой и затаённой паникой произнёс он. — Ты даже не представляешь, в какую бездну ты шагаешь.

— Посмотрим, — ответила я с дерзкой усмешкой, хотя пульс отчаянно бил в висках. — Хорошего дня, папа.

Когда дверь за Анри захлопнулась, я тяжело опустилась в кресло и судорожно сжала серебряный браслет.

Отец не просто не любил Вейна. Отец его боялся. До дрожи в пальцах, до бешеных глаз.

Что за тайну хранит фамилия Вейн, если один её звук заставляет моего непотопляемого отца терять разум?

Глава 4

Кристиан

— Анри Лоран только что покинул архитектурное бюро дочери, — Маркус бросил на стол папку из плотной кожи и вальяжно опустился в кресло напротив.

Маркус Коул был единственным человеком в этом чертовом мегаполисе, кому дозволялось входить в мой кабинет без стука. Глава моей службы безопасности и единственный живой свидетель ада, через который мы прошли семь лет назад в Новом Орлеане. Он видел меня на самом дне, помогал собирать осколки моей жизни в стерильных коридорах той больницы и своими руками строил фундамент нашей новой империи в Нью-Йорке.

— Вылетел оттуда с таким видом, будто лично встретил дьявола, — продолжал Маркус, иронично изгибая бровь и поправляя манжеты дорогого пиджака. За его едкой ухмылкой и внешней расслабленностью скрывался опасный аналитический ум. — И, судя по расшифровке с жучка, который мои парни поставили у входа, Вивьен послала его со всеми его запретами.

Я даже не поднял взгляда от панорамного окна. Нью-Йорк с высоты шестидесятого этажа пентхауса казался игрушечным: холодным, серым, разлинованным на ровные кварталы бетона и стекла.

— Она не могла поступить иначе, — тихо ответил я, сжимая пальцами хрустальный стакан с бурбоном. — Я слишком хорошо знаю её чертовское упрямство.

— Она проявила к нему невероятную дерзость, — Маркус подался вперёд, и его тон стал серьёзнее. — Но Лоран в панике, Кристиан. Он понял, что фамилия Вейн вернулась. Он до сих пор не догадывается, что ты — тот самый «Кристиан Грей», чьё имя он вычеркнул из её жизни. Но сам факт твоего появления заставляет его дёргаться как ужаленного. Он панически боится, что ты раскроешь Вивьен правду: о том, как он довёл твоего отца до петли, украл проект и возвёл свою империю на его трупе.

Пальцы на стакане сжались сильнее. Натянутые струны внутри меня отозвались глухим, опасным гулом.

— Пусть дёргается, — ледяным тоном произнёс я. — Лоран выстроил вокруг неё стерильный замок из лжи. Заставил поверить в «автокатастрофу», украл память, украл прошлую жизнь, украл меня. И прямо сейчас он боится не за неё. Он боится за свою шкуру.

— И что ты планируешь делать, «холодный стратегический гений»? — Маркус оперся локтями о колени, вглядываясь в моё лицо. — Если ты нажмёшь слишком сильно, Лоран попытается увезти её из страны. Или, что ещё хуже, её память начнёт пробиваться сквозь заслон. Врачи предупреждали: если защита рухнет резко, её психика не выдержит. Ты помнишь гипоксию. Помнишь кому.

— Я помню каждую секунду той ночи, Маркус, — отсечно чеканя слова, произнёс я, поворачиваясь к нему. В моих стальных глазах вспыхнуло грозовое пламя. — Я помню её кровь на своих руках. И я скорее сгорю в аду, чем снова причиню ей боль.

Я подошёл к столу, нажал кнопку селектора и сухо отдал приказ секретарю:

— Передайте главному архитектору проекта, мисс Лоран, что завтра в восемь вечера я жду её в ресторане « The River Caf é» для обсуждения прав независимого контроля над объектом. Без посредников и без её отца.

— Она не откажется, — ухмыльнулся Маркус, возвращая себе привычный ироничный вид. — Лоран только что подлил масла в огонь её упрямства. Она придёт просто для того, чтобы доказать отцу свою независимость. Главное, Вейн, держи себя в руках и не испепели её взглядом прямо за ужином.

— Я знаю, что делаю, — ответил я, смотря на отражение своего строгого монохромного силуэта в тёмном стекле.

Я вернулся в её жизнь не для того, чтобы ранить. Я вернулся, чтобы медленно, шаг за шагом, забрать её из ядовитых рук Анри. И сделать так, чтобы её тело, которое помнит каждый мой грех, снова нашло дорогу к моему сердцу.

Глава 5

Вивьен

Официальное приглашение от секретарши Кристиана Вейна пришло на мою рабочую почту ровно через два часа после ухода отца. Сухой, безупречно составленный деловой текст: «Обсуждение условий независимого контроля над объектом на Верхнем Ист-Сайде. Завтра, 20:00, ресторан The River Caf é, Бруклин».

Никакой двусмысленности. Чистый бизнес.

И всё же, когда курьер доставил в бюро лаконичную чёрную карточку с вышитампованными золотом буквами « Wayne Enterprises », у меня перехватило дыхание.

— Это вызов, Лоран, — Джульет крутила в руках плотную карточку, пока я застёгивала замочек на глубоко-зелёном шёлковом платье с открытой спиной. — Приглашение пришло прямо сегодня, с курьером. Он словно чувствует, что сейчас идеальный момент, чтобы надавить, и понимает, что ты не откажешься.

— Я и не собиралась отказываться, — я подкрасила губы винной помадой и вскинула подбородок перед зеркалом. — Я иду туда как главный архитектор. Если мистер Вейн думает, что сможет манипулировать мной в неформальной обстановке, его ждёт сюрприз.

— Главное, не забывай дышать, когда он посмотрит на

тебя своими стальными глазами, — усмехнулась Джулс, подмигнув мне в отражении. — И держи себя в руках. Ты выглядишь чертовски опасно.

Такси остановилось у подножия Бруклинского моста. «The River Caf é» утопал в мягком свете гирлянд, а за его панорамными окнами на глади Ист-Ривер отражались тысячи огней вечернего Манхэттена.

Администратор провел меня к отдельному столику у самого стекла, откуда открывался головокружительный вид на мост и финансовый центр.

Кристиан Вейн уже был там.

Он сидел, слегка откинувшись на спинку кресла, и медленно вращал в пальцах бокал с тёмным вином. Тёмно-синий, почти чёрный костюм, расстёгнутая на верхнюю пуговицу белоснежная рубашка без галстука. Никаких лишних деталей. Монохромная элегантность, от которой за версту веяло властью.

При моем приближении он поднялся. Его стальной, гипнотический взгляд скользнул по моему изумрудному платью, заставив кожу мгновенно покрыться мурашками. В глубине его глаз на мгновение вспыхнуло нечто настолько горячее и темное, что моё сердце привычно пропустило удар.

— Мисс Лоран, — его низкий голос с лёгкой хрипотой прорезал шум ресторана. — Рад, что вы приняли приглашение.

— Мистер Вейн, — я сделала шаг к столу, удерживая

ровную осанку и пряча дрожь в пальцах. — Вы выбрали весьма впечатляющее место для обсуждения строительных смет.

— Некоторые вопросы требуют правильной атмосферы, Вивьен, — ответил он, выдвигая для меня кресло. Его пальцы на секунду случайно касались моей открытой спины через тонкий шёлк.

В эту же секунду меня словно пробило током. Внизу живота отозвалась резкая, удушающая тянущая боль, а пульс взлетел до предела. Я замерла, судорожно глотая воздух.

Его рука задержалась у моего плеча чуть дольше, чем требовала вежливость.

— Вы бледны, — тихо произнёс он над самым моим ухом, и в его тоне прорезалась не привычная ледяная отстранённость, а глубокая, почти отчаянная тревога. — Вам плохо?

Я резко повернула голову, столкнувшись с его грозовым взглядом на расстоянии нескольких сантиметров.

— Всё в порядке, — соврала я, сжимая под столом тонкий серебряный браслет. — Просто... у вас очень холодные руки, мистер Вейн.

Кристиан медленно зафиксировал взгляд на моих губах, а затем чуть заметно усмехнулся — горько и почти незаметно.

— У меня слишком много грехов, Вивьен, чтобы греть окружающих. Давайте сделаем заказ.

Официант бесшумно принял заказ и удалился, оставив нас в тишине, натянутой до предела. За окном мерцали огни Манхэттена, но вся моя реальность сузилась до этого столика и мужчины напротив.

— Итак, независимый контроль, — я первой нарушила молчание, опёршись локтями о стол и сплетя пальцы. — В приглашении вы указали, что хотите обсудить особые условия. Что именно вас не устраивает в стандартном регламенте бюро?

Кристиан поднёс бокал к губам, сделав медленный глоток. Его стальной взгляд не отрывался от моего лица ни на секунду.

— Меня всё устраивает в регламенте, Вивьен. Меня интересует ваша личная вовлечённость. Этот особняк — не просто старая кирпичная коробка на Верхнем Ист-Сайде. Это объект с характером. И я хочу быть уверен, что вы не бросите его на полпути, когда... возникнут трудности.

— Я никогда не бросаю свои проекты, — в моём голосе прорезался металл. Я подалась чуть вперёд, вскинув подбородок. — И я не привыкла отступать перед сложностями. Если вы намекаете на мнение моего отца, то смею вас заверить: Анри Лоран не принимает решений за меня.

На секунду в глубине его глаз вспыхнула тёмная, почти хищная искринка. Он медленно опустил бокал на скатерть.

— Я знаю, — тихо произнёс он, и от его тона по моей коже пробежала волна озноба. — У вас упрямый характер,

Вивьен. Вы предпочитаете шагать в неизвестность, даже если там вас ждёт падение.

— А вы предпочитаете контролировать каждый шаг окружающих, мистер Вейн? — парировала я с дерзкой улыбкой. — Строить стены из бетона и собственных правил?

— Лишь для того, чтобы защитить то, что мне дорого, — отчеканил он. Каждое его слово звучало весомо, словно клятва. — В этом городе слишком много тех, кто питается чужой слабостью.

В его голосе прозвучала такая глухая, застарелая боль, что мои колкие слова застряли в горле. Я вглядывалась в его резкие скулы, в строгие линии губ, пыталась пробить эту ледяную броню и понять: кто он на самом деле?

— Вы говорите так, будто лично прошли через войну, — прошептала я, забыв про статус нашей встречи.

Кристиан замер. Его взгляд стал настолько тяжелым, что воздух в груди снова застрял.

— Прошёл, Вивьен, — его голос понизился до опасного, интимного шёпота. Он чуть наклонился ко мне через стол, и я снова почувствовала его парфюм — озон, сандал и дым. — И в этой войне я потерял всё.

Мой пульс забился где-то в горле. Пальцы левой руки снова рефлекторно сжали серебряный браслет на запястье. Смотря в его грозовые глаза, я ощутила странное, иррациональное желание протянуть руку, коснуться его ладони и сказать, что всё позади. Мой разум не понимал этого поры-

ва, но моё сердце отчаянно рвалось к нему.

— Зачем вам всё это, мистер Вейн? — тихо спросила я, неподвижно глядя на него. — Зачем вам этот заброшенный особняк? Человек с вашим влиянием мог выбрать любой готовый небоскрёб на Манхэттене.

Кристиан не сводил с меня пронизывающего взгляда. На его губах появилось подобие едва заметной, печальной улыбки.

— Чтобы вернуть то, что принадлежит мне по праву, — ответил он, и в его голосе не осталось ни капли холода. Только всепоглощающая, опасная страсть. — И чтобы искупить грех, который не даёт мне дышать уже семь лет.

В этот момент официант поставил перед нами блюда, разбив плотную, электрическую тишину между нами. Но мы оба знали: деловой ужин окончательно превратился в нечто гораздо большее.

Остаток ужина прошёл в странном, звенящем полусне. Мы говорили о чертежах, несущих конструкциях и смете, но под каждым деловым термином пульсировало нечто другое — глухое, опасное, неподвластное разуму. Его взгляд не отпускал меня ни на секунду.

Когда мы вышли из ресторана, прохладный ночной воздух с Ист-Ривер ударил в лицо, немного протрезвляя. У подножия моста уже ждал длинный чёрный седан.

— Я могу вызвать вам такси, Вивьен, — произнёс Кристиан, останавливаясь рядом со мной на освещённой набе-

режной. — Или разрешить моему водителю доставить вас до дома.

— Не стоит, мистер Вейн, — я поплотнее запахнула пальто, пытаясь вернуть привычный контроль. — Я сама вызову машину.

Кристиан чуть наклонил голову. В свете фонарей его глаза казались абсолютно стальными.

— Как пожелаете. Но помните наши условия: никаких посредников. На стройплощадке вы подчиняетесь напрямую мне.

— А вы — моим архитектурным решениям, — с вызовом ответила я, встретив его взгляд.

На его губах снова скользнула эта едва заметная, темная ухмылка. Он сделал шаг назад, давая мне пространство, но в его позе считывалась неизбежность: мы только начали.

Я села в подъехавшее такси. Когда машина тронулась, я обернулась через заднее стекло. Кристиан всё так же стоял у набережной, неподвижно глядя вслед удаляющимся огням, пока его силуэт не растворился в ночной тени Манхэттенского моста.

Глава 6

Кристиан

Я смотрел, как красные габаритные огни ее такси исчезают за поворотом, пока холодный ветер с пролива швырял в лицо сухие брызги воды.

Пальцы в карманах пальто всё ещё помнили ощущение её открытой кожи. Тонкий, невесомый шёлк. Её рваный вдох, когда я случайно коснулся её спины. Её паника, пробивавшаяся сквозь гранитную маску успешного архитектора.

— Ты едва не сорвался, — тихо произнёс Маркус, появляясь из тени у дверей автомобиля. Он стоял чуть в отдали весь вечер, контролируя периметр. — Я видел твоё лицо, когда она побледнела. Ты едва не взял её за руку.

— Я удержался, — отсечно ответил я, не поворачивая голову.

— На пределе, Вейн, — Маркус подошёл ближе и его голос потерял привычную иронию, став твёрдым и отрезвляющим. — Ты играешь с огнем. Её отец уже ищет концы. Завтра он перероет всю твою инвестиционную историю в Чикаго и Нью-Йорке. Если он заподозрит, что за Wayne Enterprises стошь именно ты, он просто запрёт её в доме.

— Пусть ищет, — я повернулся к нему, и в моём голосе прорезался лёд. — Все мои активы чисты, а связи с Новым Орлеаном выжжены дотла. Анри Лоран не найдёт ничего,

кроме призраков.

— Рано или поздно тебе придётся сойтись с ним вплотную, Кристиан, — Маркус погасил экран планшета и пристально посмотрел на меня. В его голосе не осталось и капли привычного сарказма. — Ты не сможешь бесконечно держать его в тени. Анри — параноик. Когда он поймёт, что Вивьен уходит из-под его контроля, он придёт к тебе сам. И эта встреча не будет деловым разговором за чашкой кофе.

Я медленно повернул голову к окну, наблюдая, как на стекле отпечатываются редкие капли начавшегося дождя.

— Я жду этого дня семь лет, Маркус.

— Я знаю, — жёстко отрезал он. — Но сейчас ставки другие. Семь лет назад ты воевал только за справедливость и честное имя своего отца. Теперь между вами снова стоит Вивьен. Когда вы с Анри столкнётесь лицом к лицу, старые раны вскроются. И если она окажется рядом в этот момент... она сгорит в вашем пожаре второй раз. — Ты готов к тому, что когда Анри прижмут к стене, он обвинит во всём тебя? Он выставит тебя монстром, который явился разрушить её жизнь и их семью. Ты готов к тому, что она может поверить ему, а не тебе?

— Я готов принять любую её ненависть, — тишину салона прорезал мой тихий, стальной голос. — Пусть она проклянет меня. Пусть возненавидит. Но она будет жить. Без его яда, без его лжи и без его фальшивой опеки.

Маркус молча покачал головой, понимая, что отговари-

вать меня бессмысленно.

— В понедельник в восемь утра на объекте, — сухо произнёс он, когда лимузин замер у подножия моего небоскрёба. — Постарайся хотя бы попытаться выглядеть как обычный инвестор, а не как человек, готовый вступить в войну с целым миром.

Я ничего не ответил. Вышел из машины и поднялся на лифте в свой пентхаус на шестьдесят первом этаже.

В квартире царила полная темнота. Я подошёл к панорамному окну, глядя на шпили Нью-Йорка, утопающие в ночном тумане. В груди привычно тлела тупая, тянущая боль — фантомный отголосок той ночи в Новом Орлеане.

Таймер памяти сорвал заслон, перенося меня на семь лет назад. Стерильный коридор больницы. Запах антисептиков, удушливый писк приборов и кровь на моих рукавах.

Каталка, которую санитары стремительно катили в операционную. Её бледное, почти прозрачное лицо, перемазанное копотью и кровью. Судорожно сжатые пальцы, которые цеплялись за мою ладонь с последней, отчаянной силой.

Каталка, которую санитары стремительно катили в операционную. Вивьен — бледная, обессиленная, но даже сквозь физическую боль в её коньячных глазах горел огонь предательства и обиды. Она только что узнала об обмане. Смотрела на меня с глухим, раздирающим гневом из-за той тяжелой ссоры, которая поставила её на грань жизни

и смерти.

«Уходи... — прошептала она тогда, отталкивая мою руку, когда я попытался коснуться её пальцев. Голос ломался от слёз и гнева. — Я не хочу тебя видеть... Ты всё это время лгал мне... Слышишь? Лгал!»

«Виви, выслушай меня... — шептал я, пока санитары грубо оттесняли меня от дверей, за которыми её увозили на операцию. — Пожалуйста, только живи...»

А затем появился Анри. В его глазах тогда не было трагедии — только холодный расчёт. Он знал меня лишь как «Кристиана Грея», какого-то парня, из-за ссоры с которым дочери стало плохо. Воспользовавшись её комой и последующей амнезией, Лоран просто выбросил меня из её жизни, стёр моё имя из документов и состряпал для Вивьен красивую легенду об «автокатастрофе» и «чистом листе». Он и понятия не имел, что избавился не от случайного юноши, а от сына человека, чью жизнь он когда-то разрушил.

Я сжал стакан с бурбоном так, что хрусталь жалобно зазвенел в тишине пентхауса.

Она ушла в наркоз с обидой и гневом на меня. А Анри до сих пор думает, что избавился от «Кристиана Грея» и спасает её своей ложью об аварии. Встреча с ним была неизбежна. Я знал, что старый лис сделает всё, чтобы уничтожить меня, как только догадается, кто на самом деле Кристиан Вейн. Но на этот раз я был готов.

Игра вошла в свою самую опасную фазу.

Глава 7

Вивьен

В понедельник в семь сорок пять утра перед фасадными лесами особняка на Верхнем Ист-Сайде царил привычный строительный хаос. Шумели генераторы, рабочие разгружали поддоны с закупленным материалом, а в воздухе стоял стойкий запах влажной извести и древесной стружки.

Я стояла в центре главного холла с планшетом в руках и в защитной каске поверх собранных в аккуратный пучок волос.

— Мисс Лоран, балки на третьем этаже требуют усиления, — ко мне подошёл прораб, вытирая лоб перчаткой. — Если мы начнем снимать старую штукатурку, перекрытия могут дать трещину.

— Я внесла изменения в смету в субботу, — ответила я, высыпая на экран чертёж. — Мы установим скрытые металлические корсеты. Это сохранит оригинальную лепнину и...

Шаги за моей спиной не были громкими, но звук тяжелых туфель по старинному паркету мгновенно перекрыл шум дрелей и голоса рабочих.

Воздух в холле словно стал острее. Кожу на затылке обдало знакомым, необъяснимым холодом.

Я обернулась.

Кристиан Вейн переступил порог особняка. На нём был тёмно-серый идеальный костюм, строгие линии которого странно контрастировали с обшарпанными стенами и пыльными колоннами XIX века. За ним шагал Маркус Коул, держа в руках кожаный портфель и бросая вокруг быстрые, оценочные взгляды.

Стальные глаза Кристиана нашли меня мгновенно. Никакой деловой маски, никакой фальшивой вежливости — только тяжелый, сканирующий взгляд, от которого моё дыхание снова сбилось.

— Доброе утро, мисс Лоран, — его низкий голос заставил прораба рядом со мной мгновенно подтянуться.

— Мистер Вейн, — я сделала глубокий вдох, заставляя себя сжать планшет и выпрямить спину. — Вы точны. Ровно восемь.

— Нарушать обязательства — не в моих правилах, — Кристиан подошёл ближе, останавливаясь в шаге от меня. Его взгляд скользнул по моей каске, по закрепительному поясу на талии и остановился на губах. — Как продвигается подготовка?

— Мы оцениваем несущие конструкции, — я перевела взгляд на Маркуса, который ответил мне вежливым, но едва заметно ироничным поклоном. — Мой прораб только что выразил сомнения по поводу перекрытий третьего этажа. Но у меня уже есть решение.

— Позвольте мне взглянуть, — Кристиан сократил дистанцию ещё на полшага.

Он наклонился к моему планшету. Его плечо почти касалось моего, а дыхание обжигало висок. Мой пульс тут же взлетел до бешеных ударов, а пальцы, держащие планшет, чуть заметно дрогнули.

Моё тело реагировало на него вопреки всякой логике. Оно помнило его близость, помнило этот запах, пока мой разум тщетно пытался цепляться за профессиональные границы.

— Умное решение, Вивьен, — тихо произнёс он над самым ухом, и в его голосе прозвучало нечто большее, чем просто похвала архитектору. — Вы бережно относитесь к прошлому этого дома.

— Некоторые вещи слишком ценны, чтобы их разрушать, мистер Вейн, — выдохнула я, поворачивая к нему лицо.

Наши взгляды скрестились. На секунду, между нами, снова выросла та самая невидимая, электрическая стена, в которой рушились любые деловые субординации.

— Не всё прошлое стоит сохранять, — прошептал он, и в его стальных глазах мелькнула тень старой, глубокой боли. — Иногда нужно снести всё до основания, чтобы построить нечто настоящее.

В этот момент глухо, с резкой отдачей в поясницу и низ живота, внутри меня вспыхнула острая, режущая боль. Словно невидимый скальпель прошёлся по внутренностям.

Я судорожно вдохнула пыльный воздух холла, пальцы сами сжали края планшета, а перед глазами на долю секунды пронеслась слепящая, рваная вспышка...

Полумрак этой же самой залы. Треск поленьев в камине. Чертежи, разложенные прямо на пыльном паркете. И чьи-то сильные, тёплые руки, которые сжимают мои пальцы, пока мужской низкий голос смеётся мне в шею: «Ты слишком упряма, Виви... Зато с тобой невозможно проиграть». А затем — резкий сдвиг, стерильный белый свет, писк приборов, холодный металл и чей-то отчаянный, надрывный шёпот...

— Вивьен? — Кристиан мгновенно сократил дистанцию. Его рука сжалась на моём локте, удерживая от падения.

В его глазах не было льда. Там тлела такая дикая, сжигающая паника, будто я рушилась у него на руках прямо сейчас.

— Всё... в порядке, — выдохнула я, силой вырывая себя из липкого морока. Боль так же резко отступила, оставив лишь глухую пульсацию на запястье, под серебряным браслетом. — Просто головокружение. Душно.

— Вам нужно сесть, — в его голосе прорезались отчаянные, повелительные ноты.

— Я сказала, я в норме, мистер Вейн, — я мягко, но твёрдо высвободила локоть, хотя кожа в месте его прикосновения до сих пор горела. — Мы обсуждали несущие конструкции, а не моё здоровье.

Стоявший чуть поодаль Маркус Коул кашлянул в кулак,

разряжая звенящую тишину.

— Вейн, если ты планируешь заморить нашего главного архитектора голодом и обмороками в первый же день, то наш бюджет на страховку взлетит до небес, — с едкой ухмылкой заметил Маркус, поправляя идеальный галстук. — Мисс Лоран, если этот тиран не даёт вам перерывов на кофе, только мигните. Я организую бунт.

Кристиан бросил на Маркуса ледяной взгляд, но хватку ослабил.

— На сегодня осмотр окончен, — чеканя каждое слово, произнёс Кристиан. — Чертёж усиления перекрытий утверждён. В среду жду вас в офисе Wayne Enterprises. Лично.

Глава 8

Вивьен

— Он ловит тебя на крючок, Лоран, а ты делаешь вид, что просто изучаешь наживку, — Джульет драматично бросила кисть для арт-экспертизы на стол и оперлась подбородком о ладони.

Мы сидели в её светлой мастерской-галерее в Сохо. За окном шумел Вест-Бродвей, в воздухе пахло льняным маслом, старыми холстами и свежесваренным эспрессо.

— Джулс, это рабочий проект, — я приложила холодную чашку к виску, где всё ещё теплилась тупая боль после утреннего приступа на стройке. — « Wayne Enterprises » финансирует реставрацию. Я — ведущий архитектор.

— Ага, а я — балерина Большого театра, — усмехнулась Джульет, прищурив зелёные глаза. — Вивьен, ты видела себя в зеркале? Ты после встречи с ним выглядишь так, будто пробежала марафон без воздуха. И эта твоя привычка сжимать браслет... Ты дергаешься от каждого его прикосновения. Что произошло на стройке?

Я помешкала, разглядывая тёмную пенку кофе. В голове до сих пор не укладывался тот прерывистый морок, что накрыл меня прямо в холле особняка. Это была не просто привычная боль. Перед глазами до сих пор стоял полумрак той самой залы, треск огня в камине и чертежи, разложен-

ные прямо на пыльном паркете. И этот низкий, бархатный голос, шептавший мне в шею: «Ты слишком упряма, Виви...»

Откуда в моём разуме взялся этот образ? Почему этот заброшенный дом, который я якобы впервые увидела неделю назад, казался моему телу таким знакомым, будто каждая его трещина и каждый угол помнили мои прикосновения?

— Опять эта боль, — тихо призналась я, качнув головой. — Внизу живота. И... странная, рваная вспышка. Не просто стерильный свет и писк мониторов, как обычно. В этот раз я увидела... этот же особняк. Камин, чертежи на полу и чьи-то руки. А потом — больница. Джулс мгновенно потеряла весь свой ироничный настрой. Она подалась вперёд и накрыла мою ладонь своей.

— Опять «эхо аварии»? Врачи же говорили, что фантомные боли после той катастрофы семь лет назад должны были пройти.

Джулс мгновенно потеряла весь свой ироничный настрой. Она подалась вперёд и накрыла мою ладонь своей.

— Опять «эхо аварии»? Врачи же говорили, что фантомные боли после той катастрофы семь лет назад должны были пройти.

— Папа говорит, что это психосоматика, — прошептала я, но слова отца про «гиперопеку и заботу» впервые отозвались во мне легким налётом фальши. — Говорит, что мой мозг блокирует стресс.

— Твой отец, при всём уважении к его статусу патриарха « Laurent & Co », готов обернуть тебя в пузырчатую плёнку и запереть в поместье до конца дней, — остро отрезала Джульет. — Вчера он звонил в галерею и спрашивал, не замечала ли я за тобой «странностей». Он дёргается, Вив. Как только появился этот Вейн, Анри Лоран потерял свой фирменный снобизм и превратился в паникёра. Тебе не кажется это подозрительным?

— Он просто переживает за меня... — неуверенно проговорила я.

— Или что-то скрывает, — тихо закончила за меня Джулс. — Вивьен, Кристиан Вейн смотрит на тебя не как инвестор на архитектора. И даже не как мужчина на красивую женщину. Он смотрит на тебя так, будто вы уже написали вместе целую книгу, а ты просто забыла её прочитать.

Слова Джульет прорезали воздух, попав прямо в цель.

— Если бы я не знала тебя с колледжа, я бы решила, что ты влюбилась в своего готического босса, — Джулс вернулась к холсту, но уголок её губ полз вверх. — Серьёзно, Вив. Кристиан Вейн — это буквально воплощение твоего любимого типажа из мрачных романов: высокий, безупречно одетый, с лицом греческого бога и аурой опасности, от которой разум велит бежать, а ноги сами идут навстречу. А это его телосложение? Развороченные широкие плечи, узкие бёдра, подтянутый и мощный силуэт, который не скрывают да-

же самые строгие миланские костюмы... От одного его вида дыхание перехватывает, а ты делаешь вид, что просто изучаешь смету!

— В моих романах у героев хотя бы есть чувство юмора, — хмыкнула я, пробуя остывший эспрессо. — А мистер Вейн, кажется, улыбнулся последний раз где-то в прошлом веке. Рядом с ним его зам, Маркус, выглядит просто душой компании. Тот хотя бы пытается шутить, пока Вейн испепеляет всё вокруг взглядом.

— О, Маркус Коул? — Джульет оживилась, прищурив глаза. — Наслышана. Главный холостяк и светский лев « Wayne Enterprises ». Он, между прочим, недавно был на аукционе в Сохо — разбирается в современном искусстве лучше половины наших арт-критиков. Но вернёмся к твоему «ледяному королю». Ты не думала, почему именно этот особняк? Почему именно наше бюро?

— Папа утверждает, что это тонкий политический ход, — ответила я, глядя на тёмную жидкость в чашке. — Вейн строит империю в Нью-Йорке, а имя Лоранов — это знак качества и связей в высшем обществе.

— Твой отец умеет красиво заворачивать свои страхи в бизнес-термины, — Джулс отложила кисть и посмотрела на меня с полной серьёзностью. — Но вчера, когда Анри звонил мне, в его голосе не было бизнеса. Там была чистая паника. Он выспрашивал, не упоминала ли ты имя Вейна, не нашла ли какие-то старые архивы матери...

— Мамы? — я нахмурилась, и внутри сладко и больно защемило.

В памяти сразу всплыл образ Элен Лоран — её мягкий голос, родной запах сухой лаванды и пожелтевшие планшеты с чертежами, над которыми она засиживалась допоздна. Мама была человеком редкой, чуткой души: она умела видеть в старых зданиях живую историю, а не просто холодный камень. Именно она научила меня чувствовать дух архитекторов прошлого и однажды вложила в мою руку первый карандаш.

— При чём здесь мама? — тише добавила я. — мама умерла, когда я была подростком. Она обожала классическую архитектуру, но никогда не работала с « Wayne Enterprises ».

— Вот именно, — тихо проговорила Джулс. — Но Анри до ужаса боится, что ты начнёшь копать. Мама была единственным человеком, чьи документы и чертежи ты хранишь как святыню. Они ведь все до сих пор лежат в том резном дубовом бюро в поместье?

Я медленно кивнула. Перед глазами встали её эскизы, её аккуратный, каллиграфический почерк на чертежах времён Нового Орлеана — тех самых, которые отец всегда запрещал мне перебирать без его присутствия.

— Папа в последнее время часто заходит в ту комнату, — с внезапно нахлынувшим подозрением прошептала я. — Я думала, он просто скучает по ней. Но если в её старых

бумагах есть хоть одно упоминание семьи Вейнов....

— ...то этот уютный фальшивый замок вашей «идеальной семьи», который так усердно строил Анри, просто треснет по швам, — закончила за меня Джулс. — Он привык держать тебя в золотой клетке под предлогом защиты. Но ты уже взрослая, Вив.

В этот момент мой телефон на столе завибрировал. На экране высветилось имя: Анри Лоран.

Я невольно сжала пальцами серебряный браслет. Боль внизу живота отозвалась глухим, знакомым импульсом, но я сбросила вызов и перевернула телефон экраном вниз.

— Не ответишь? — подмигнула Джулс.

— Перебьется, — твёрдо ответила я, встретив её улыбку. — До среды у меня архитектурный проект. И никакой гиперопеки.

Глава 9

Кристиан

Родовой особняк Вейнов в пригороде Нью-Йорка встретил меня привычной, стерильной тишиной. Здесь всё дышало прошлым — тяжёлые портьеры, портреты отца в массивных рамах и запах лекарств, перемешанный с ароматом сухих роз.

Мать сидела в кресле-качалке у панорамного окна, накрытая шерстяным пледом. Элеанор Вейн так и не оправилась после трагедии. Самоубийство отца и крах семьи выжгли из неё жизнь, оставив лишь холодную, застарелую ненависть к человеку, который растоптал нашу династию.

— Ты поздно, Кристиан, — её сухой, надломленный голос прорезал полумрак комнаты. Она не повернула головы.

— Были дела в городе, мама, — я подошёл и опустился на одно колено рядом с её креслом, бережно накрывая её сухую ладонь своей.

— Дела? — Элеанор медленно перевела на меня угасающий, но всё ещё острый взгляд. — Или ты снова тратишь время на то, чтобы следить за дочерью Анри Лорана?

Я замер, но не отвёл взгляда.

— Ты обещал мне, что уничтожишь его, — в её тоне прорезалась ядовитая, отчаянная горечь. — Ты обещал, что имя Лоранов будет смешано с грязью так же, как они сме-

шали с грязью имя твоего отца! А вместо этого ты покупаешь особняки и нанимаешь его дочь главным архитектором? Ты забыл, как умер Томас?!

— Я ничего не забыл, мама, — отсечно, со стальным подтекстом произнёс я. — Каждая слеза, пролитая в этом доме, будет оплачена. Но Вивьен не имеет к этому отношения.

— Она — его кровь! — чеканя каждое слово, прошипела мать, и её пальцы судорожно впились в моё запястье. — В её жилах течёт яд Анри. Ты слишком слаб, Кристиан. Твоя жалость к ней погубит всё, что ты строил семь лет.

— Это не жалость, — тихо отрезал я, поднимаясь на ноги. — И я сам решу, как довести эту войну до конца.

— Наш старший брат просто потерял рассудок, мама, — раздался от дверей резкий, насмешливый голос.

В проёме, опираясь плечом о косяк, стоял Доминик.

Мой младший брат. Моя правая рука в « Wayne Enterprises » и самая опасная мина замедленного действия в моей жизни. Циничный, резкий, с хищной ухмылкой и глазами, в которых тлел тот самый огонь мести, который я пытался потушить в себе ради Вивьен.

— Доминик, — я повернулся к нему, сужая глаза.

— Что «Доминик»? — брат сделал шаг в комнату, подбрасывая на ладони тяжёлую зажигалку. — Ты тащишь эту девчонку в наш главный проект, Вейн. Ты думаешь, Маркус не докладывает мне? Ты смотришь на неё как безумный.

Ты забыл, через какой ад мы прошли?

— Не лезь не в своё дело, Доминик, — ледяным тоном предупредил я, шаг за шагом сокращая дистанцию между нами.

— Это моё дело! — рявкнул Доминик, мгновенно теряя наигранную вальяжность и подаваясь ко мне вплотную. — Семья Лоранов сломала жизнь нашей матери и вогнала отца в гроб! Если ты не в силах раздавить их... это сделаю я. Я лично расскажу мисс Лоран, за чей счёт её папочка купил ей счастливую жизнь.

— Только попробуй приблизиться к ней, — прошептал я над самым его ухом, и в моём голосе прозвучала угроза, от которой даже Доминик на секунду замер. — И я забуду, что мы одной крови.

— Мы одной крови, Кристиан, но только ты решил разбавить её слабостью, — процедил Доминик, тяжело дыша мне в лицо. Он не отступил, лишь ухмыльнулся ещё темнее. — Ты думаешь, Анри Лоран просто так отдаст тебе дочь? Или позволит спокойно восстанавливать особняк твоего отца на Верхнем Ист-Сайде?

Он подался ещё ближе, и в его глазах вспыхнул ядовитый триумф:

— Лоран прекрасно знает, чьё это наследие и почему ты нанял именно Вивьен. Анри паникует, Кристиан. Он боится, что, разбирая архивы нашего отца и старые чертежи, она наткнётся на правду. Или что твои попытки воскресить

новоорлеанский стиль в этом доме пробьют брешь в её амнезии. И он нанесёт удар раньше, чем ты успеешь её защитить.

— Наш разговор окончен, Доминик, — отрезал я и шагнул прочь, оставляя брата за спиной.

Я спустился на первый этаж, где в глухом кабинете, залитом полумраком, меня уже ждал Маркус. Он сидел на краю массивного письменного стола, вертя в руках бокал с виски, и встретил меня внимательным взглядом.

— Судя по грохоту на лестнице, братская любовь снова в разгаре? — мягко спросил Маркус, сделав глоток. — Доминик прав в одном, Кристиан. Анри активизировался. Наш юрист сообщил, что « Laurent & Co » ищут любые лазейки, чтобы аннулировать контракт по Верхнему Ист-Сайду. Анри готов пожертвовать репутацией бюро, лишь бы забрать Вивьен из особняка твоего отца и перекрыть ей доступ к архивам.

— Пусть пробует, — я подошёл к окну, глядя на темнеющий сад. — Контракт составлен безупречно. Если он попытается разорвать его в одностороннем порядке, это обанкротит его за сорок восемь часов.

— Он паникует, Кристиан, — Маркус поставил бокал на стол, и его тон стал предельно серьёзным. — Паника делает людей опасными. Но меня больше волнует не Анри. Меня волнуешь ты. В среду Вивьен приедет к нам в офис на утверждение графиков. Доминик будет там. Анри будет висеть

у неё на телефоне. А ты... ты сможешь держать дистанцию, когда она станет перед тобой?

Я сжал кулаки так, что затрещали швы на манжетах.

Перед глазами снова вспыхнул её взгляд на стройке — испуганный, потерянный, когда фрагмент нашего прошлого прямо в этом особняке пробился сквозь мрак амнезии и сжал её тело болью. Я видел, как её подсознание тянется к утраченным воспоминаниям. Как она реагирует на мои прикосновения, узнавая меня вопреки разуму.

— В среду всё начнётся, Маркус, — тихо произнёс я, глядя на своё отражение в тёмном стекле. — И назад дороги уже не будет.

Глава 10

Вивьен

В среду ровно в десять утра я переступила порог штаб-квартиры « Wayne Enterprises » в центре Манхэттена. Здание из тёмного стекла и стали давило своей монументальностью, а внутри царила атмосфера абсолютного, холодного порядка.

Лифт с бесшумной скоростью поднял меня на шестидесятый этаж.

Когда двери разошлись, я оказалась в просторном холле с панорамными окнами во всю стену, откуда открывался потрясающий вид на туманный город.

— Мисс Лоран, — навстречу мне из-за дубового стола поднялась строгая секретарь. — Мистер Вейн ждёт вас в главном конференц-зале. Проходите.

Я сжала в руках папку с обновлённой документацией и сделала шаг по глянцевому паркету. Но не успела я дойти до матовых стеклянных дверей, как из бокового коридора стремительно вышел незнакомый мужчина.

Он был высок, с резкими чертами лица и взъерошенными тёмными волосами. На нём был тёмно-синий пиджак с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки. В его облике угадывалось нечто общее с Кристианом — те же широкие плечи, та же породистая костная структура. Но если в Кристи-

ане ощущался выверенный контроль, то от этого человека веяло чистой опасностью.

Его тёмные глаза мгновенно въелись в меня.

— О, а вот и наш приглашённый архитектор, — его голос прозвучал с откровенной, ядовитой насмешкой. Он заблокировал мне дорогу, сунув руки в карманы брюк. — Вивьен Лоран. Живьём и во всей красе.

Я остановилась, выпрямив осанку: — Простите, мы знакомы?

— Я — Доминик Вейн, — он сделал шаг ближе, сканируя меня от туфель до собранных волос с такой открытой неприязнью, что у меня внутри всё сжалось. — Младший брат вашего высокородного инвестора. И, скажем так, человек, который задаётся вопросом: почему именно « Laurent & Co »? Неужели в Нью-Йорке закончились архитекторы без громких семейных фамилий?

От его тона по коже пробежал мороз. Боль внизу живота отозвалась лёгким, предупреждающим импульсом.

— Если у вас есть сомнения в моей квалификации, мистер Вейн, вы можете выразить их на совете директоров, — холодно ответила я. — А сейчас пропустите меня. Меня ждёт Кристиан.

Доминик усмехнулся — темно, с хищным прищуром: — «Кристиан»? Успели перейти на имена? Быстро же ты вернула своё влияние, Лоран. Но запомни: в этой башне правила устанавливает не только мой брат. И некоторые долги не

закрываются красивыми чертежами.

«Вернула»?

Слово резануло по ушам не хуже лезвия. По какому праву он говорит так, будто я уже была частью их жизни? Будто между мной и Кристианом Вейном существует какая-то давняя история, о которой знают все вокруг, кроме меня? В груди поднялась липкая волна сомнений. Что, если реакция Анри на этого человека — не просто отцовская гиперопека? Что, если мой «простой проект» — лишь фасад для чего-то гораздо более тёмного, выходящего за рамки семи лет моей амнезии?

Я сжала пальцы на папке так, что побелели костяшки, пытаясь скрыть дрожь в руках, но старалась выдержать его ядовитый взгляд.

— Доминик.

Один единственный низкий, раскатистый звук прорезал тишину холла.

Кристиан стоял в дверях конференц-зала. На нём был тёмно-серый костюм-тройка, а взгляд стальных глаз, устремлённый на брата, мог на месте испепелить всё вокруг.

Доминик медленно повернул голову, и между ними проскочила такая дикая искра вражды, что я поневоле сделала шаг назад.

— Я просто приветствовал нашего главного архитектора, Крис, — с ленивой ухмылкой произнёс Доминик. — Об-

суждали семейные традиции.

— Пошёл вон в свой кабинет, — прошептал Кристиан. В его тоне не было крика — только свинцовая тяжесть.

Доминик бросил на меня последний, многозначительный взгляд и, подбросив на ладони зажигалку, не спеша шагнул по коридору.

Кристиан перевёл взгляд на меня. На его скулах ходили желваки, но в глазах мелькнула острая тревога: — Он ничего тебе не сделал?

— Всё в порядке, — выдохнула я, пытаясь вернуть сбитое дыхание. — Ваш брат... не отличается вежливостью.

— Доминик больше не приблизится к тебе, — жёстко отрезал Кристиан, делая шаг ко мне и протягивая руку, чтобы взять мою папку.

На секунду его пальцы обожгли мои. Взгляд Кристиана упал на мою руку, всё ещё сжимавшую серебряный браслет, а затем поднялся к моим глазам.

— Проходи в кабинет, Вивьен, — тише проговорил он, и от того, как произнёс моё имя, у меня перехватило дыхание. — Нам нужно обсудить проект. И то, почему твой отец сегодня утром пытался через юристов заблокировать наш контракт.

Двери кабинета Кристиана закрылись, отсекая шум холла и лифтов. Пространство было оформлено в стиле минимализма: тёмное дерево, панорамное остекление и массивный стол, на котором стояла лишь пара папок.

— Садись, — Кристиан жестом указал на кресло из тёмной кожи и положил мою папку на стол, но сам остался стоять, опёршись о край столешницы.

— Папа пытался заблокировать контракт? — прямо спросила я, садясь на край кресла. Раздражение на Анри, накопленное за последние дни, мгновенно вспыхнуло с новой силой. — Утром он не сказал мне ни слова.

— Час назад юристы « Laurent & Co » прислали официальное уведомление о приостановке работ под предлогом «дополнительной экспертизы несущих конструкций», — Кристиан чуть наклонил голову, не сводя с меня внимательного, почти физически ощутимого взгляда. — Твой отец ищет любой повод, чтобы отозвать тебя из этого проекта, Вивьен. И делает это за твоей спиной.

Я сжала пальцы в замок.

— Он не имеет права, — в моём голосе прорезалась твёрдость, которой я сама от себя не ожидала. — Реставрацией занимаюсь я, а не юридический отдел. Экспертиза перекрытий была проведена на прошлой неделе, с документами всё в порядке. Я не позволю ему рушить мою работу.

На губах Кристиана на мгновение появилось подобие тёмной, едва уловимой полуулыбки: — Я и не сомневался, что ты скажешь именно это. Но вопрос в другом: ты понимаешь, почему он так стремится оттянуть тебя от этого особняка?

Я замерла. В голове пронеслись слова Джулс из мастер-

ской: «Он дёргается, Вив... В его голосе не было бизнеса. Там была чистая паника».

— Папа говорит, что переживает за моё здоровье, — тихо ответила я, глядя Кристиану прямо в глаза. — Но... вчера Джулс рассказала мне, что он искал старые архивы моей матери. Элен. Он до смерти боится, что я найду её чертежи или документы времён Нового Орлеана.

При упоминании Нового Орлеана Кристиан заметно напрягся — его осанка стала невероятно струнной, будто вдоль позвоночника прошёл ледяной разряд. На скулах снова сыграли желваки, а стальной взгляд стал ещё острее.

— Твоя мать была талантливым архитектором, — проговорил он, и его голос прозвучал бархатно, но с опасной глубиной. — И если Анри боится её бумаг, значит, в них записано то, что он пытался похоронить семь лет назад.

— Вы... вы знали мою маму? — выдохнула я. Внизу живота пронеслась знакомая, мучительная волна, а сердце заколотилось в рёбра.

Кристиан медленно сократил расстояние между нами, обогнул стол и остановился в шаге от моего кресла. Его тень накрыла меня. От него пахло дорогим парфюмом и холодным ветром с Гудзона.

— Я знал историю твоей семьи лучше, чем ты думаешь, Вивьен, — прошептал он, нагибаясь чуть ниже и фиксируя мой взгляд. — И этот особняк на Верхнем Ист-Сайде — не просто объект в нашей смете. Это место, где хранятся

ответы. Если ты готова дойти до конца и закончить этот проект вопреки запретам Анри... я дам тебе полную свободу действий. Но ты должна доверять мне.

Я замерла, сжимая ремешок сумки. Слова его брата всё ещё звенели у меня в ушах, не давая покоя.

— Доверять? — тихо переспросила я, поднимая на него взгляд. — Кристиан... Ваш брат перед вашим приходом сказал странную вещь. Он заявил, что я «быстро вернула своё влияние». Что он имел в виду? Почему вокруг вашей семьи и нашего бюро витает ощущение, будто мы уже встречались? В Новом Орлеане... или где-то ещё?

Кристиан не отвёл взгляда, но его пальцы на краю столешницы заметно сжались. На секунду в кабинете повисла такая тяжёлая тишина, что было слышно только тиканье часов.

— Доминик любит провокации, Вивьен, — его голос прозвучал обманчиво спокойно, хотя в глубине глаз вспыхнуло что-то тёмное. — Он пытается выбить тебя из колеи, чтобы ты бросила проект. Не позволяй ему управлять твоими мыслями. Всё, что тебе нужно знать сейчас: я здесь не для того, чтобы навредить тебе.

Он не ответил прямо. Ушёл от ответа — филигранно и жёстко.

Я посмотрела на его губы, затем снова в стальные глаза. Внутри всё сжалось от странного, дикого чувства: разум кричал, что этот человек опасен, но тело и подсозна-

ние тянулись к нему, будто в нём заключалась единственная правда в моей застланной туманом жизни.

— Я не брошу проект, Кристиан, — твёрдо ответила я, подняв подбородок. — И папе я это докажу сегодня же.

Глава 11

Вивьен

Такси мчалось по затянутому туманом Манхэттену, но в моей голове всё ещё отдавался эхом низкий голос Кристиана Вейна и ядовитые усмешки его брата.

После той выбивающей из колеи встречи в « Wayne Enterprises » я взяла паузу. Мне требовалось время, чтобы прийти в себя, остыть и разложить всё по полочкам, поэтому я откладывала разговор с отцом на несколько недель. Я пыталась убедить себя, что всё можно решить спокойно. Но сегодня всё окончательно рухнуло: «Дополнительная экспертиза несущих конструкций». Папа решил снова сыграть за моей спиной, пока я пыталась выждать время.

Вместо того чтобы вернуться в мастерскую к Джулс, я направила машину прямо к главному офису « Laurent & Co ». Внутри всё кипело от обиды и злости. Семь лет я жила в убеждении, что отец бережёт меня от стресса, опекает после катастрофы и защищает от внешнего мира. Но сегодняшняя попытка тихо заморозить мой проект окончательно разрушила эти иллюзии.

Офис « Laurent & Co » на Пятой авеню встретил меня привычным звоном хрустальных люстр и приглушённым шумом печатных машинок.

Я прошла мимо секретарши, которая попыталась меня

остановить, и без стука толкнула тяжёлую дубовую дверь кабинета отца.

Анри Лоран сидел за своим массивным столом, опершись подбородком на сцепленные пальцы. Перед ним лежала та самая папка юридической службы. При моём появлении он на мгновение вздрогнул, но тут же вернул себе привычную маску сдержанного достоинства.

— Вивьен? — он мягко улыбнулся, поднимаясь навстречу. — Дорогая, почему ты не в галерее? Ты выглядишь бледной...

— Какая ещё экспертиза перекрытий, папа? — отрезала я, бросив свою сумку на кресло и сделав шаг к его столу. — Я несколько недель молчала и пыталась успокоиться, а ты все эти недели продолжал плести интриги и за два часа до моего официального визита попытался отозвать документы! Почему я узна́ю об этом от Кристиана Вейна, а не от тебя?

Улыбка мгновенно сошла с его лица. В глазах Анри проскочила тень паники, которую он тут же попытался скрыть за строгим взглядом.

— Я делаю это ради твоей безопасности, — ровным, отцовским тоном проговорил он, обходя стол. — Этот особняк опасен, Вив. Кристиан Вейн — хищник. Ты не знаешь этого человека. Он вовлекает тебя в игру, последствия которой ты не в силах просчитать.

— Или это ты боишься этой игры? — твёрдо спросила

я, смотря ему прямо в глаза. — Ты боишься Вейна. Ты боишься этого особняка. И ты до смерти боишься того, что я начну задавать вопросы!

— Вивьен! — в его голосе впервые прорезался металлический, жёсткий рявк. — Не смей говорить со мной в таком тоне. Я поднял тебя на ноги после катастрофы. Я по крупицам собирал твою жизнь, пока ты лежала в реанимации!

— И запер меня в золотой клетке! — выдохнула я, ощущая, как к горлу подступает ком. — Вчера Джулс сказала мне, что ты звонил ей. Ты искал старые бумаги мамы. Скажи мне правду: при чём здесь мама? Что находится в её архивах времён Нового Орлеана?

При упоминании имени Элен на лбу Анри выступила испарина. Он сделал глубокий вдох, сжав губы в тонкую линию.

— Твоя мать... не имела отношения к Вейнам, — тихо, но слишком натянуто отчеканил он. — Забудь этот проект, Вивьен. Завтра я переведу тебя на реставрацию публичной библиотеки в Бруклине. Контракт с « Wayne Enterprises » будет аннулирован.

Я сделала шаг назад, качая головой.

— Нет, папа, — чеканя каждое слово, произнесла я. — Я не уйду с этого объекта. И если ты попытаешься заблокировать его снова, я отстраню юридический отдел « Laurent & Co » и буду работать с Вейном напрямую как независимый архитектор.

Анри замер, поражённый моей дерзостью. В его взгляде

читался не просто гнев — там был чистый, первобытный страх.

Я развернулась и выбежала из кабинета, не слушая, как он зовёт меня по имени.

Каблуки стучали по мраморному полу холла, а в ушах оглушительно нарастала пульсация. Я выскочила на улицу, жадно вдыхая прохладный сырой воздух Манхэттена. Дрожащими пальцами достала телефон и набрала номер Джулс.

— Вив? Ты в порядке? — тревожно ответила она после первого же гудка.

— Я поставила ему ультиматум, Джулс, — выдохнула я, прислонившись спиной к холодной стеклянной стене здания « Laurent & Co ». — Я сказала Анри, что если он ещё раз попробует вмешаться, я уйду из бюро и буду работать с Кристианом напрямую.

На том конце провода повисла пауза, а затем Джулс тихо произнесла:

— Ого... Вив, ты понимаешь, что ты только что объявила ему войну? Он этого так не оставит.

— Пусть, — я сжала телефон сильнее, глядя на проезжающие мимо машины. — Я больше не позволю ему решать за меня. И я докопаюсь до правды, чего бы мне это ни стоило. Приезжай ко мне, пожалуйста. Мне нужно прийти в себя, и если я останусь одна с этими мыслями, у меня просто взорвётся голова.

— Уже вылетаю. Захвачу ту самую пиццу с трюфельным маслом и, возможно, святую воду, чтобы изгнать из тебя дух бунтарства, — отшутилась Джулс. — Буду через двадцать минут.

Моя квартира находилась на четвёртом этаже старого кирпичного дома в Сохо. Это было моё единственное личное пространство, которое Анри так и не смог полностью подмять под себя, как бы ни пытался предлагать мне пентхаусы с личной охраной.

Здесь пахло сухими травами, качественной бумагой и свежим грунтом для холстов. Высокие потолки, обнажённая кирпичная кладка, дубовый паркет, слегка поскрипывавший под ногами, и огромные окна от пола до потолка, выходящие на тихий переулок. Никакой вылизанной роскоши — только уютный хаос архитектора: стеллажи до потолка, забитые альбомами по искусству, рабочий стол, заваленный калькой и подрамниками, мягкий диван глубокого изумрудного цвета и зажжённые гирлянды с тёплым светом.

Джулс скинула туфли прямо у порога и прошла в гостиную, держа в руках коробку с пиццей и пакет из кондитерской.

— Ну что, Жанна д'Арк местного розлива, — Джулс критически оглядела меня, падая на диван и поджимая под себя ноги. — Рассказывай, как ты выжила после того, как бросила вызов великому и ужасному Анри Лорану? Я-то думала, над Манхэттеном уже молнии метаются.

— Я до сих пор не верю, что высказала ему всё это в лицо, — я опустилась рядом, обняв подушку и наконец давая волю дрожи в руках. — После того дня у Вейна я несколько недель пыталась остыть, сбежать от этой бури и просто привести мысли в порядок. Но Анри всё это время тихо давил за моей спиной. Сегодня он дошёл до того, что готов перевести меня на реставрацию какой-то библиотеки в Бруклине, лишь бы я не переступала порог особняка.

— Бруклинская библиотека? Серьёзно? — Джулс сочувственно качнула головой, протягивая мне кусок пиццы. — От создателей «сиди дома и вышивай крестиком». Вив, твой отец, конечно, гений архитектуры, но в плане контроля он уверенно претендует на титул императора Вселенной. Поешь, а то ты бледная, как гипсовый бюст в моей мастерской.

Я невольно улыбнулась, сделав маленький укус. Рядом с Джулс сложный, удушающий мир всегда становился чуть проще.

— А Вейн? — Джулс прищурилась, отпивая сок прямо из коробки. — Кристиан «Я-Твоя-Погибель» Вейн. Каково это — осознавать, что предстоит работать с ним? Он всё так же выглядит как человек, способный купить весь город и сжечь его ради развлечения?

— Он... предложил мне полную свободу действий, — тихо ответила я, глядя на огоньки гирлянды. — И сказал, что в особняке на Верхнем Ист-Сайде хранятся ответы. Но,

Джулс, в тот самый день его младший брат Доминик... он встретил меня в холле и заявил, что я «быстро вернула своё влияние».

— «Вернула»? — Джулс замерла с куском пиццы в руке. Её ироничное выражение лица мгновенно сменилось предельной серьёзностью. — Он реально использовал это слово?

— Да. И когда я спросила Кристиана напрямую, почему все говорят со мной загадками, он просто... ушёл от ответа. Но не опроверг! — я сжала подушку сильнее. — Они что-то скрывают. Все они. Анри, Вейны... Всё это замкнутый круг, Джулс. И точка пересечения — Новый Орлеан.

Джулс откинулась на спинку дивана, тяжело вздохнув:

— Ладно. Официально заявляю: твоя жизнь превратилась в нуарный детектив. И если ты намерена идти до конца, нам нужен план. Но сначала — ты съешь ещё один кусок, потому что голодный детектив — плохой детектив.

— Ты неисправима, — выдохнула я, но впервые за весь день почувствовала, как тяжёлый зажим в груди немного отпускает.

Глава 12

Кристиан

С момента той бурной встречи в офисе и скандала Вивьен с отцом прошло уже несколько недель. Весь этот месяц Манхэттен задыхался под проливными дождями, а напряжение вокруг проекта « Wayne Enterprises » и семьи Лоран лишь сгущалось с каждым днём. За прошедшие недели Анри испробовал все рычаги давления, но Вивьен стояла насмерть, шаг за шагом отвоёвывая право на собственную жизнь.

Сегодняшний вечер незаметно перетёк в глубокую ночь. В моём кабинете горела только одна лампа на массивном столе, выхватывая из темноты хрустальный графин и папки с документами. Дождь за окном стекал по стеклу широкими, мутными полосами, размывая огни ночного города.

Я стоял у окна, медленно проворачивая в пальцах тяжёлый бокал с виски.

Дверь кабинета бесшумно открылась. Маркус вошёл без стука — в его руках был планшет, а лицо выражало ту степень сосредоточенности, которая обычно означала плохие новости.

— Анри Лоран только что покинул офис на Пятой авеню, — произнёс Маркус, останавливаясь у края стола. — По словам нашего человека в « Laurent & Co », все эти недели

Анри безуспешно пытался надавить на юристов, но полчаса назад у них с Вивьен произошёл очередной и самый крупный скандал. Она прямо в кабинете бросила ему в лицо обвинения в саботаже и поставила окончательный ультиматум.

Я замер, так и не донеся бокал до губ.

— Ультиматум? — мой голос прозвучал тише обычного, но Маркус прекрасно услышал свинцовые интонации.

— Она заявила, что, если Анри ещё хоть раз попытается вмешаться в её работу над особняком в Верхнем Ист-Сайде, она выйдет из состава бюро и подпишет с тобой прямой контракт как независимый архитектор.

В груди что-то сжалось — туго, до острой боли.

Семь лет назад Вивьен была такой же: несгибаемой, страстной, готовой сжигать мосты ради того, во что верила. Семь лет Анри Лоран ломал её, пичкал таблетками, окружал гиперопекой и внушал, что она хрупкая, больная и беспомощная. Но сегодня... за эти несколько недель дух моей Вивьен окончательно пробился сквозь склеенный фальшивкой купол её памяти.

— Она поехала к себе в Сохо? — спросил я, поворачиваясь к Маркусу.

— Да. К ней приехала подруга, Джулс Валуа. Вокруг её дома всё чисто, мои люди дежурят по периметру, — Маркус помедлил, а затем добавил: — Кристиан, Анри в бешенстве. Когда Вивьен выбежала из офиса, он вызвал к себе личного юриста и начальника охраны. Он напуган. А когда Лоран пу-

гается, он совершает глупости.

— Пусть совершает, — жёстко отрезал я, сделав глоток обжигающего алкоголя. — Каждая его ошибка приближает день, когда Вивьен узнает, кем на самом деле является её благородный отец.

— Меня больше волнует Доминик, — Маркус нахмурился, скрестив руки на груди. — До меня дошли слухи, что после их стычки в холле он искал встречи с матерью. Если Элеонора начнёт действовать через него и вмешается в реставрацию...

— Доминик под моим контролем, — я поставил бокал на стол с глухим стуком. — А если мать попробует слить прессе старые новоорлеанские статьи, я перекрою ей финансирование фонда за пять минут. В этой игре останемся только я, Вивьен и Анри.

Я подошёл к столу и вытащил из нижнего ящика тёмно-синюю папку без маркировок. Внутри лежали старые чертежи и копии документов. Та самая правда, которую Анри семь лет замуровывал в своей лжи, пока я нёс крест вины за ту роковую ночь в Новом Орлеане, за потерянного ребёнка и за пролитую кровь.

Завтра четверг. Завтра — день, к которому мы шли все эти недели. Вивьен впервые после затяжной войны с отцом должна выйти на объект в Верхнем Ист-Сайде. Без опеки Анри. Без лишних глаз. Только она, я и особняк, хранящий призраков нашего прошлого.

— Маркус, — тихо проговорил я, не сводя глаз с эскизов. — Усиль охрану вокруг квартиры Вивьен. И подготовь особняк к завтрашнему утру. Завтра мы открываем закрытые секции первого этажа.

— Ты уверен, Кристиан? — Маркус посмотрел на меня с нескрываемой тревогой. — Если она увидит эту лепнину и камин в западном крыле... они ведь один в один повторяют интерьер вашего дома в Новом Орлеане. Её мозг может распознать почерк, и срыв повторится.

Я сжал края стола так, что затрещало дерево.

— Я буду рядом, — шепнул я в пустоту кабинета. — На этот раз я её удержу.

Маркус тихо кивнул и вышел, бесшумно прикрыв за собой тяжёлую дверь.

Я остался один в полутьме. Опустив взгляд на подрагивающие пальцы, я сжал их в кулак.

Перед глазами вспыхнули кадры, которые я семь лет пытался выжечь из памяти, но которые преследовали меня каждую ночь. Новый Орлеан. Наш маленький дом на краю Французского квартала, пропитанный запахом цветущей магнолии и влажной краски. Я помнил, как Вивьен сидела на полу прямо в моей рубашке, обхватив тонкие колени, а вокруг были рассыпаны эскизы. Помнил её тихий смех, когда я целовал её в плечо, отвлекая от работы, и то, как её пальцы переплетались с моими. Помнил её ладонь на своём животе и тот шёпот, от которого у меня перехватило дыха-

ние: «Крис, у нас будет ребёнок...»

А потом — та страшная, проклятая ссора. Наш крик, оглушающий шум дождя за окном, её бледное лицо и сильное кровотечение. Ледяной ужас охватил меня, когда я мчал её в больницу на пределе скорости, молясь богу. Помню белые стены реанимации, кровь у себя на руке и слова врача, прозвучавшие как смертный приговор: её спасли, но малыша больше нет, а шок и травма выжгли её память дотла.

Семь лет я жил в созданном собственными руками аду, убеждая себя, что её неведение — единственная цена за её жизнь. Я сам отдал её в руки Анри, сам позволил переписать её прошлое и вычеркнуть меня из её памяти, словно случайную ошибку.

Но если бы она только знала... Если бы она знала, что каждый мой вдох без неё был пыткой, а каждый день — медленным отбыванием наказания за ту роковую ночь.

«Ты думаешь, что забыла меня, Виви, — мысленно обратился я к той, что сейчас спала на другом конце города. — Но твой разум лишь спрятал меня в самый дальний угол. И я заставлю тебя вспомнить не то, как я уничтожил твой мир... а то, как сильно ты меня любила».

Глава 13

Вивьен

Утренний Нью-Йорк встретил меня прохладным ветром и тяжёлыми, свинцовыми тучами, низко зависшими над строениями Верхнего Ист-Сайда. После вчерашнего разговора с отцом я почти не спала. Ночь прошла в лихорадочном полусне: перед глазами то и дело вспыхивали панические глаза отца, холодный профиль Кристиана Вейна и смутные, ускользающие тени прошлого, до которых я никак не могла дотянуться.

Я уже несколько лет не садилась за руль сама. Из-за внезапных головокружений и вспышек фантомной боли, накатывавших без предупреждения, вождение стало слишком опасным, и мне пришлось полностью перейти на услуги такси. Вот и сегодня, пока машина везла меня сквозь утренние пробки, я сжимала пальцы в замок, пытаясь справиться с очередным подступающим приступом тревоги.

Когда такси затормозило у ворот особняка Вейнов, я глубоко вдохнула, приводя мысли в порядок. Сегодня всё должно было быть иначе. Никаких отцовских юристов, никаких звонков с попытками вернуть меня в «безопасную» рутину. Это была только моя стройка. Мой выбор.

Сбросив пальто у временной стойки прораба, я надела каску и прошлась по первому этажу. Рабочие уже вовсю

демонтировали устаревшие перегородки, в воздухе стояла мелкая строительная пыль, пронизанная лучами света из высоких окон. Но в глубине коридора — в том самом закрытом западном крыле — царила непривычная, звонкая тишина.

Защитные ленты, перегораживавшие вход в эту часть здания ещё вчера, сегодня были аккуратно сняты.

Сердце прошлось частым, тревожным молотом по рёбрам. Я медленно переступила порог арочного проёма и сделала шаг вглубь коридора.

Здесь ещё не начинались основные демонтажные работы. Высокие стены были очищены от старых панелей, обнажая кладку и сложнейшую лепнину под самым потолком. В центре просторной залы возвышался массивный камин из тёмного, практически чёрного мрамора с резными колоннами и изогнутым карнизом.

Я замерла.

В груди резко, до темноты в глазах, перехватило дыхание. Очередная вспышка боли откликнулась в висках мгновенным пульсирующим ударом. Это не был абстрактный интерьер особняка на Манхэттене. Геометрия этой лепнины... изгиб мраморной полки... я знала их. Мои пальцы сами помнили, как калькировать эти линии.

— Этот камин проектировал человек, любивший прятать детали в тени, — раздался за моей спиной низкий, бархатный голос.

Я резко повернулась. Кристиан стоял в проёме дверей — безупречный, в тёмном пальто и со сдержанными, едва уловимыми нотами опасной грации в каждом движении. Его тёмные глаза смотрели на меня с такой невыносимой, всепоглощающей концентрацией, будто весь окружающий мир переставал существовать за пределами этого помещения.

— Вы... вы открыли западное крыло? — мой голос прозвучал чуть тише, чем мне хотелось бы, но я смогла удержать взгляд.

— Я обещал тебе полную свободу действий, Вивьен, — Кристиан медленно сократил расстояние между нами, останавливаясь в паре шагов. От него пахло дорогим парфюмом, холодом и тонким ароматом табака. — Это крыло строилось по оригинальным наброскам, которые хранятся в моём семейном архиве. Скажи мне... что ты чувствуешь, глядя на этот зал?

Я снова перевела взгляд на мраморный камин. В голове зашумел проливной дождь. На мгновение мне показалось, что за окнами не Манхэттен, а бушующий, затопленный штормом город, а воздух пропитан не гипсовой пылью, а запахом озона и влажной земли.

— Это... выглядит знакомо, — честно шепнула я, сжав пальцами планшет с чертежами. — Слишком знакомо. Как будто я уже видела этот проект. Не в альбомах... а вживую.

Кристиан сделал ещё один шаг вперёд. Его рука медленно

поднялась, и он на мгновение замер, словно борясь с диким импульсом коснуться моей щеки, но лишь указал на резной элемент над камином.

— Ты не просто видела его, Виви, — тихо, почти на пределе слышимости проговорил он, и от звука этого ласкового сокращения моего имени по коже пробежал сумасшедший мороз. — Вся отделка этого зала создавалась по эскизам твоей матери.

— «Виви»? — выдохнула я. Воздух застрял в лёгких, превратившись в острые иголки.

Это имя... Оно не просто слетело с его губ. Оно вырвалось из самой глубины его груди — сдавленно, с такой оглушающей, застарелой болью, словно он выкрикивал его в темноту тысячу ночей подряд.

Я сделала шаг назад, но упёрлась спиной в холодный мрамор камина. В висках снова застучала тяжёлая, пульсирующая кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.